

РЕЦЕНЗИИ

УДК 93/94

ББК 63.3(2)511–512

DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-129-140

М. Б. Бессуднова

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: GOEHRKE, CARSTEN. UNTER DEM SCHIRM DER GÖTTLICHEN WEISHEIT. GESCHICHTE UND LEBENSWELTEN DES STADTSTAATES GROß-NOWGOROD (ZÜRICH: CHRONOS VERLAG, 2020. 550 S)

В своей новой объемной монографии профессор истории Восточной Европы университета Цюриха Карстен Гёрке (род. 1937), автор трехтомного сочинения по истории русской повседневности (2003–2005), книг по социально-политическому устройству Руси (2006) и по истории Сибири (2016), ставит задачу обобщить сведения об экономическом, социальном и культурно-историческом развитии Великого Новгорода, который определяет как второй по величине город Киевской Руси и самую мощную русскую торговую державу эпохи Средневековья. Собранный им материал, почерпнутый из большого числа исторических исследований и источников, рассмотрен с учетом широкого спектра проблем и в сопоставлении разных дискурсов, что позволяет видеть в данной монографии одну из наиболее замечательных интерпретаций новгородской истории современной зарубежной историографией.

Вводная часть книги содержит две главы с материалами историографического и источниковедческого характера. В первой из них К. Гёрке дает обзор самых примечательных результатов изучения истории средневекового Новгорода широким кругом российских и зарубежных исследователей XIX–XXI веков. Обилие и разнообразие упомянутых в связи с тем научных трудов, впрочем, не мешает ему высказать сожаление по поводу малого количества фундаментальных трудов, представляющих всю специфику истории новгородского города-государства с момента его создания и до поглощения его Московским государством. В обзоре, посвященном российской историографии, особо подчеркивается значимость вклада в новгородские исследования В. Л. Янина, чьи взгляды, однако, кажутся автору заметно идеологизированными и даже предвзятыми, вследствие чего их воздействие на изучение Новгорода современной российской наукой он склонен расценивать по большей части как фактор сдерживания (с. 28–29). Вместе с тем К. Гёрке дает положительную оценку новым тенденциям в российской историографии, имеющим место, в частности, в исследованиях П. В. Лукина, а в области изучения новгородско-ганзейской торговли у М. Б. Бессудновой. Оригинальность исследованию самого К. Гёрке, которого отнюдь не пугает отступление от традиций, придает, прежде всего, разработанная им периодизация истории Великого Новгорода, более многоэтапная,

чем ныне популярный вариант, предложенный Г. Бирнбаумом и С. В. Трояновским. Последние страницы вводной части монографии К. Гёрке посвящены новгородскому просторечному говору как одному из важнейших элементов общенациональной культуры и вкладу в их изучение выдающегося русского филолога А. А. Зализняка.

Исследование К. Гёрке охватывает немногим более пяти с половиной столетий, а именно, от основания Новгорода в IX веке до его присоединения в 1478 году к Московскому государству. Автор делит время существования вольного Новгорода на 7 этапов, каждый из которых, согласно его концепции, характеризуют особые «жизненные миры» (*Lebenswelten*) или формы социокультурного бытия новгородцев в различных контекстах времени. Прежде, чем приступить к повествованию об этих этапах и к атрибутированию присущих им «жизненных миров», поименованных в перечне одной из рубрик второй главы, он посчитал целесообразным обратиться к краткому описанию климата и ландшафта Новгородской земли, без которых, по его мнению, нельзя с полной уверенностью ответить на вопрос об ее хозяйственных и социальных особенностях. Фактором особой значимости, в частности, ему представляется разветвленная водная сеть, которая образовывала сеть удобных коммуникаций и способствовала развитию прибыльной междугородной торговли. К тому можно еще добавить его размышления о специфическом этническом устройстве новгородской глубинки, возникшем в результате внедрения восточных славян в зону расселения финно-угорского и балтского преднаселения Поильменья в VII–VIII веках. Относительно более высокая консолидация славянских племен, их военно-техническое превосходство и славянский язык, выступавший как средство межплеменного общения, позволили славянам одержать верх над соседями и по большей части ассимилировать их. Ситуация еще больше усложнилась с появлением скандинавов, которые вскоре стали соперничать со славянами в установлении власти в районе оз. Ильмень и в межрегиональной торговле. В качестве доказательства тому автор ссылается на раннюю историю Старой Ладogi, самого известного скандинавского административного и торгового центра к северу от Невы на пути к «большой Волге», по которой купцы следовали в направлении мусульманского Востока. Летописное повествование о призыве варягов в Новгород исследователь соотносит с мощным внедрением скандинавов зону расселения славян с целью организации торгового магистрала в южном направлении, позже известной как «путь из варяг в греки», рассматривая упадок Старой Ладogi середины IX века, сопровождавшийся появлением и возвышением Новгорода-на-Волхове, изначально известного под названием Холмгард, как прямое следствие переноса торговых путей с Волги на Днепр. Он полагает, что Рюрик и его потомки, «Рюрикиды» (Рюриковичи), стремились расширить границы собственных владений с берегов Волхова до Киева, в связи с чем становится понятным их одновременные усилия по подчинению тесно связанного с Киевом Пскова, которому по их замыслу был уготован статус «младшего брата» Великого Новгорода.

В главе «Начало Новгорода», хронологически охватывающей период с X по XI век, К. Гёрке подвергает сомнению вывод В. Л. Янина о существовании трех древних этнически разнородных протопоселений в пределах будущего Новгорода и полагает, что город возник на базе этнически однородного раннего поселения, служившего торжищем при военно-административном региональном центре,

располагавшемся на Рюриковом городище. Территория будущего города включала два отдельных городища, которые были привязаны к холму (*holm*), будущим Детинцем, откуда возникнет название Holmgard, обнесены заново построенным валом (рус.: Новый Град, Новгород) и располагали общим сакральным центром в виде первоначально деревянной Софийской церкви. Автор, таким образом, не опровергает факт триединого ядра прото-Новгорода (Рюриково городище и две торго-ремесленные слободы близ холма), хотя его представления заметно расходятся с описанием Янина. Сомнению подвергается также его теория о перемещении городского ядра с Рюрикова городища, за которым закрепилось положение княжеской резиденции, в Новгород, вместо чего речь ведется о массовой миграции купцов и ремесленников Поильменья в «слободку» у истока Волхова, привлекательность которой быстро возростала благодаря динамичному развитию местной и межрегиональной торговли. В то время как Рюриково Городище и Старая Ладога по мере формирования «империи» Рюриковичей со столицей в Киеве становились все менее значимыми, Новгород неуклонно укреплял свои позиции в качестве оплота власти киевских правителей на северо-западной периферии их владений. Тенденция воочую обозначилась во времена правления Ярослава Мудрого (–1054), который, по мнению исследователя, сделал ставку на тесное и равновыгодное партнерство князя и городского населения Новгорода и тем самым значительно способствовал поступательному развитию новгородских торго-ремесленных инфраструктур.

Новгород как княжеский город в составе Киевской Руси XI – начала XII века и присущий ему «жизненный мир» представлены в третьей главе. Основной упор тут сделан на условиях прогрессирующей локальной раздробленности Киевской Руси и возникновении предпосылок для политической автоматизации Новгорода, сопровождавшейся расширением политических инициатив и объема прав народных масс, особенно в конфликтных ситуациях. Последнее в конечном счете увенчалось переходом основных властных полномочий от князя с его ближайшим окружением, двором, к городским властям во главе с вече, реализовавшись не только на социально-политическом, но также на интеллектуально-психологическом и поведенческом уровне, и легло в основу специфических «жизненных миров» Великого Новгорода. Особого упоминания в данной связи удостоена древнейшая редакция древнерусского свода законов «Русская правда» XI века, благодаря которой Новгород легитимизировал свои привилегии и тем самым обрел механизм своего исключительного исторического развития. Большую пользу для себя новгородцы также извлекли из внутренних распрей Рюриковичей, превратив приглашаемого в город служилого князя и его дружину в гарантов безопасности и передоверив ключевые исполнительные должности, включая должность посадника, представителям городской верхушки. Кроме того, автор считает полезным осветить некоторые успехи новгородской внешней политики этого периода, предвосхитившие оформление территориальных владений Новгорода, Новгородской земли, путем экспансии новгородцев в пределы соседних славянских княжеств и ареалы расселения языческих народов. Формирование Новгородского княжества, по мнению К. Гёрке, было мотивировано как соображениями безопасности и обретения

могущества, так и экономическими интересами Новгорода, который стремился контролировать водные коммуникации, важные для его международной торговли, и обеспечить бесперебойность поступления на новгородский рынок пушнины с подконтрольных ясачных территорий. Активная внешняя политика, вместе с тем, служила Новгороду удобным предлогом для наращивания военной мощи и совершенствования новгородского войска. Эти обстоятельства привели к тому, что Новгород стал вторым по величине и значению городом Киевской Руси, средства к существованию которого обеспечивала, главным образом, международная торговля и ремесла. В связи с проблемой формирования Новгородской земли в книге представлены также далеко идущие последствия христианизации языческого населения в ее пределах.

Четвертая глава под названием «Новгород в XII веке» посвящена начальному этапу обретения им политической самостоятельности и расцвета новгородской международной торговли. Повествуя о «бурных» тридцатых годах XII века, автор в целом солидарен с мнением советских исследователей, которые характеризовали этот срез новгородской истории как подлинную революцию, окончательно избавившую Новгород от княжеской автократии, хотя при этом датирует ее не событиями 1136 года, когда исполнительная власть в городе сосредоточилась в руках избранного вечем посадника, а более ранним периодом, полагая, что с начала XII века новгородская политико-административная система переживала стадию перехода с характерным для нее двоевластием формально признаваемого князя и назначаемого им посадника. «Революция» 1136 года, по мнению исследователя, разрушила данную управленческую модель, выведя посадника из княжеской воли и сделав из него представителя городского населения. Рассуждая о природе власти новгородского посадника, он высказывает мнение, что русское восприятие должности посадника, которая в немецких источниках воспроизводится как бургграф (*Burgraf*), никоим образом не следует идентифицировать со статусом соименного градоначальника сеньориального немецкого города, но идентифицировать ее сообразно свойствам новгородской административной системы, отличающейся от западноевропейских стандартов. В этой связи внимание читателя обращается на бóльшую степень участия новгородцев в политических делах Новгородского города-государства, которое официально числилось княжеством, а также на коллегиальный характер высшей исполнительной власти, которую наряду с посадником исполняли Новгородский епископ (владыка) и военачальник (тысяцкий). Следует также отметить дискуссионность вопроса о функциях княжеской власти после 1136 года и ее месте в новгородской политической системе, и для уяснения сути проблемы автор помещает на страницах своего сочинения пространную характеристику государственного управления Новгородом в XII веке. После краткого экскурса, посвященного борьбе новгородцев за расширение зависимых от Новгорода земель он опять возвращается к проблеме вышеупомянутой политической эмансипации, но теперь в контексте реорганизации новгородской церкви во второй половине XII века, которая, по его мнению, помогла городу выйти из-под контроля киевских князей и киевской митрополии, тем самым увеличив его политическую автономию. Заслуживают внимания и отдельные сюжеты, посвященные общественной жизни Новгорода – городской элите, рядовым горожанам, свободным и зависимым крестьянам. В

фокусе исследования оказались также международные торговые контакты новгородцев доганзейского периода, когда, по словам К. Гёрке, они еще не были вытеснены из активной балтийской торговли Ганзейским союзом, а также их участие во внутренней торговле. В этой связи представляемая здесь книга дает подборку основательных сведений о первых международных торговых договорах Новгорода и о появлении на его территории купеческих подворий, равно как и о водных и сухопутных путях новгородцев, о новгородских торговых сообществах и повседневной жизни новгородского купечества. Археологические раскопки в старой части города, в свою очередь, раскрывают интереснейшие подробности новгородского промышленного производства и городской культуры. Под конец автор приводит перечень и краткую характеристику русских городов, вошедших к середине XII века в состав Новгородской земли, что служит доказательством появления к тому сроку у Новгорода обширного, зависящего от него территориально-административного пространства и его переход в ранг городов-государств.

Пятая глава «Поворотный период: XIII век» освещает последствия монгольского нашествия, которое начисто разрушило государственную систему Киевской Руси и подчинило русские земли Золотой Орде. История Новгородского города-государства в данном контексте рассматривается двояко: в его отношении к внешнему миру и в связи с положением дел на внутривосточной арене. Татарская угроза затронула Новгородскую землю лишь в незначительной мере, но город столкнулся с рядом серьезных внешнеполитических проблем на западной, северо-западной и юго-западной границе своих владений. Предметом его споров с Литвой стала демаркация пограничной полосы, где новгородцы активно строили города-крепости, но неизмеримо больше проблем Новгороду принесли знаменитые Северные крестовые походы. Нельзя не согласиться с мнением, что крестоносцы из Швеции, Дании и Германии, действовавшие против язычников Восточной Прибалтики, едва ли видели в Новгородской Руси объект для нападения, но, с другой стороны, могли существенно ограничить притязания новгородцев на взыскание даней с языческих племен Зачудья и Ижоры, что и заставило Новгород оказать противодействие западным крестоносцам в момент их приближения к его западным границам. Особенно заметно эта тенденция проявилась в отношениях Новгорода и Пскова с немецкой Ливонией. Непосредственная военная угроза русскому Северо-Западу тут исходила со стороны духовно-рыцарских орденов – сначала Ордена Меченосцев, а затем ливонского подразделения Тевтонского ордена, в российской историографии более известного как Ливонский орден. В этой связи главный интерес вызывают судьбоносные события 1240 и 1242 годов, связанные с походами шведов и Ливонского ордена против Новгорода и Пскова, которые традиционно рассматривались как антирусское предприятие, координируемое папством. Новгородский князь Александр Ярославович Невский (–1259), победитель в битвах на Неве и на льду Чудского озера, стал благодаря ним восприниматься в русской исторической традиции как народный герой, хотя сами эти события в реальности не были столь значительны, чтобы оставить заметные следы в современных им русских и западных источниках. К. Гёрке отмечает в русских преданиях о Невской битве и Ледовом побоище ряд легендарных моментов, которые следует изучить более

внимательно в формате широкой дискуссии. Автор подвергает сомнению мнение об историческом выборе Александром между прозападной и провосточной политикой, как это склонна утверждать русская историография, и делает упор об особом внимании князя и его преемников на контактах с татарами, с помощью которых они добились лидерства на Руси и жаждали развивать свои политические амбиции. Внутривосточная обстановка в Новгороде указанного периода в рассматриваемой книге также характеризуется как крайне напряженная, что было обусловлено, в первую очередь, соперничеством за обладание новгородским «столом» между княжескими родами из Смоленска, Суздаля и Чернигова, в которое оказались втянуты самые влиятельные боярские фамилии Новгорода. С другой стороны, автор, касаясь вопроса о причинах политической нестабильности в Новгороде, видит в ней прямое следствие прогрессирующей поляризации новгородского общества на «верхи» или коммерческо-землевладельческую верхушку (боярство) и «низы», состоящие из различных категорий простых людей. Расколу способствовало происходящее в XIII веке изменение новгородского административного аппарата, вследствие которого представители «верхов», как это наглядно представлено на страницах книги, аккумулировали в своих руках наиболее влиятельные должности и, таким образом, обрели высшую власть в городе-государстве. Вместе с тем, по мнению автора, в Новгороде имела место социальная консолидация иного рода, которая особенно заметно проявилась в образовании городских учреждений, где в роли политически активных субъектов выступали рядовые горожане. Речь идет, прежде всего, о сотнях, природа которых в настоящее время все еще является дискуссионной, а также о социально-административной организации городских кварталов, т. е. концов. И, конечно, не остается без внимания общее собрание новгородцев (вече) с широкими политическими, административными и судебными полномочиями, которое предполагало, правда, зачастую формально, участия в управлении делами Новгорода всех его полноправных жителей вне зависимости от уровня зажиточности, социального и должностного статуса. На этом основании К. Гёрке полагает, что есть все основания именовать новгородский «конституционно-административный» строй вечевой демократией, как это делают некоторые представители российской исторической науки, однако с учетом расхождения этого типа демократии с ее восприятием в современном мире. Далее автор предлагает вниманию читателя ценные сведения о тенденциях в развитии новгородской экономики XIII века, касающихся, главным образом, участия новгородцев в международной балтийской торговле. Ведущая роль в ней постепенно переходила к нижненемецким и ливонским городам, которые еще в XI веке завязали с Новгородом продуктивные торговые контакты и основали там на Торговой стороне купеческую факторию под названием Двор святого Петра или Немецкое подворье. Тем самым Новгород был включен в широкое пространство международной торговли, которое несколько позже оказалось подвластным Ганзейскому союзу. К. Гёрке полагает, что, коль скоро торговая стратегия Ганзы в отношении Новгорода была сориентирована на импорт в Западную Европу сырья, то ганзейские города полагали рациональным сдерживать поступательное внедрение русских купцов в балтийскую торговлю, на что новгородцы отвечали противодействием продвижению их граждан в «низовые» русские земли. Обе стороны неизменно стремились посредством договорных

соглашений стабилизировать и обезопасить свои торговые отношения, всегда были чреватые конфликтами, и в целом это удавалось, поскольку и русская и ганзейская сторона проявляли равную заинтересованность в деловом партнерстве, что помогало своевременно устранять сбои в их товарообмене. Экскурс, посвященный русско-ганзейской торговле, сопровождается заключением, что в Новгороде до конца XIII века не наблюдалось резкого разграничения между купцами и ремесленниками, а в доказательство высокого уровня развития новгородских ремесел подтверждается ссылками на результаты археологических раскопок. Позитивные изменения в масштабах всей Новгородской земли того времени иллюстрируются также многочисленными признаками экономического процветания новгородских «пригородов» во главе с Псковом.

Шестая глава книги называется «Расцвет Великого Новгорода: XIV и начало XV веков». Этот период характеризуется как время наивысшего могущества Новгородского города-государства и одновременно прогрессирующего видоизменения его структур, как на городском, так и на территориальном уровне. Первым делом автор монографии отмечает благополучие финансового состояния города как следствие развития его международной торговли, что проявилось в увеличении размеров и совершенствовании фортификаций Новгорода и его «пригородов», констатированных археологическими исследованиями. Автор рисует красочную картину градостроительства, в первую очередь, городских укреплений, используя при этом сравнение Новгорода и Цюриха, не менее интересное, чем параллель в историческом развитии Новгорода и Любека из статьи Ральфа Хаммеля-Кизова 2002 года. Одновременно, чтобы подчеркнуть чрезвычайно тяжелые условия жизни новгородцев в рассматриваемый период, автор вспоминает о четырех всадниках апокалипсиса, персонифицировавших пожары, голод, эпидемии и войны, жертвой которых время от времени становился Новгород. Но и при подобных напастях Новгороду удавалось расширять территорию своих владений и укрепить свои властные структуры настолько, чтобы получить право позиционировать себя как «Господин Великий Новгород». Эта тенденция проявилась не только светской администрации, но также духовной сферы. Возрастание политического влияния новгородского архиепископа (владыки) объясняется, прежде всего, экономическим потенциалом и властными прерогативами «Дома святой Софии», т. е. хозяйственно-финансового ведомства Новгородской архиепископии, а также значимостью ее места в новообразованной русской Православной Церкви. В отношении роли княжеской власти в новгородской политико-административной системе отмечается, что вхождение русских князей в сферу зависимости от Золотой Орды и их роковой спор из-за обладания великокняжеским титулом не мог способствовать укреплению ее авторитета в Новгороде, вследствие чего новгородский князь окончательно перешел в ранг служилого чина, обязанного укреплять военную мощь города-государства. Уже на этом этапе, а тем более в более поздние времена, становится очевидным, что круг должностных лиц, занимавших господствующие позиции в системе управления, становился все более компактным и замкнутым, что позволяет автору говорить о монополизации государственных полномочий довольно узким кругом представителей «верхов». В данном контексте рассмотрены дискуссионные

проблемы, касающиеся властных полномочий и состава Новгородского вече Позднего Средневековья, хотя сам автор не упустил возможности признать, что с XIV века этот орган коллективного народного волеизъявления окончательно утратил свое былое влияние. В конце столетия все более очевидными становятся признаки его институционализации, которые, как и все другие государственные структуры, постепенно попадали в руки новгородских «верхов». Под последними по-прежнему понимался высший слой новгородского населения, хотя в их составе обозначился сравнительно узкий слой обладателей ключевых директивных и исполнительных функций, известный как «триста золотых поясов». Раздел книги, посвященный формам новгородского управления XIV–XV веков, содержат интересные комментарии к вопросам о новгородской государственной символике и саморепрезентации новгородской государственности в памятниках материальной и письменной культуры, но в фокусе внимания автора все же остается проблема реорганизации новгородских управленческих структур, широко дискутируемая в исторической науке. К. Гёрке согласен с теми исследователями, которые возводят основные предпосылки этого явления к усилению раскола ранее относительно консолидированного новгородского общества, сопровождавшемуся неуклонным сокращением коэффициента общественного согласия. При создавшемся положении основная политически активная масса новгородцев распределилась между двумя противоборствующими «партиями» – боярством и «черными людьми», между которыми помещались «жители люди» и купцы, которые в ходе многочисленных катаклизмов лавировали между основными комбатантами, оставляя тем поле для манёвров и повышая тем самым накал внутривластных противоречий. Оба вышеназванных основных социальных анклава, по представлениям автора, сформировались к концу XIV века в основном благодаря развитию новгородской междугородней торговли. «Простонародье» было поставлено перед необходимостью упорно отстаивать свое исконное участие во власти от поползновений со стороны «господ», и в этом контексте в книге представлены массовые еретические движения с их ярко выраженными социальными подтекстами, активизация городских люмпенов и набеги новгородских «речных каперов» (ушкуйников) на сопредельные Новгороду земли. Вместе с тем из источников того времени следует, что именно в этот период, насыщенный социальными смутами, торговля Новгорода с Западом стремилась к пику своего развития. Отмечается, что русско-ганзейский товарообмен осуществлялся в режиме *stop-and-go*, т. е. в режиме перманентных и обоюдных торговых блокад, посредством которых стороны рассчитывали оптимизировать свое торговое предпринимательство. При этом, однако, каждая из сторон, не слишком доверяя другой, проявляла нескрываемый интерес к продолжению совместной торговли и ради повышения ее результативности не переставала крепить правовые основы безопасности совместного торгового предпринимательства в соответствии с международными договорами. Напряжённость в отношениях между новгородцами и ганзейцами наиболее заметно проявлялась в жизнедеятельности иноземных торговых подворий, где немецких купцов новгородцы, по словам автора, «терпели, но редко ценили». Ганзейцы, торговавшие в Новгороде, очень нуждались в знании русского языка, обучение которому они стремились монополизировать, чтобы тем самым

заблокировать доступ на новгородский рынок других чужеземных купцов и сократить конкуренцию. Подобная мера была тем более необходима, поскольку все больше и больше западноевропейских стран проявляли интерес к развитию торговых контактов с Новгородом, располагавшегося на пути между Западом и Востоком. Чтобы обеспечить себе преимущества в международной торговле, Новгород в своей торговой политике использовал методы лавирования между различными деловыми партнерами, что в период расцвета новгородской экономики оказалось вполне эффективным. В качестве фактора, благоприятно сказавшегося на развитии международных связей Новгорода тех лет, названо политическая и экономическая нестабильность соседствовавших с ним государств, равно как и их взаимное соперничество. По мере укрепления Московского княжества влияние этого фактора начало ослабевать, и внешнеполитическое положение Новгорода стало постепенно осложняться.

Последние десятилетия новгородской независимости обстоятельно представлены в главе «Упадок: Великий Новгород в XV веке». Наиболее показательные признаки приближающегося кризиса, завершившегося ликвидацией Новгородского города-государства, К. Гёрке усматривает в комплексе внутри- и внешнеполитических проблем, с которыми Новгород столкнулся в первой половине XV века. Автор определяет ряд проблем, связанных с возрастанием социальной неоднородности в среде новгородцев и поляризации новгородского общества, которая в поздний период существования независимого Новгорода сопровождалась существенным усилением коррумпированности политической элиты. Политическое противостояние значительно усложнилось, и речь теперь уже шла не просто о противодействии «низов» власти предрержащим «верхам», поскольку, в частности, участие знати можно заметить в рядах разных политических «партий», а о большом разнообразии и сложности политических, «партийных», композиций, что делало принципиально невозможным достижение межсторонних соглашений, как это случилось, например, во время смут 1418 и 1445–1446 годов, вызванных голодом и инфляцией. В главе подробно охарактеризованы усилия новгородских властей по преодолению монетного кризиса начала XV века, а также по защите Новгородской земли от притязаний соседних держав, особенно Литвы и Москвы. Отмечено, что опасность со стороны Великого княжества Литовского удалось преодолеть с помощью призыва в Новгород литовских служилых князей, а также благодаря сближению Новгорода и Литвы в противостоянии Московскому княжеству. В то же время его натиск на сопредельные земли в первой половине XV века был существенно ослаблен из-за внутрдинастических конфликтов Московского правящего дома, но поскольку Новгород в ходе этих усобиц выступал как противник Москвы, великий князь Московский Иван III посчитал себя в праве позже активизировать свой натиск на Новгородское город-государство. Политическое руководство Новгорода того периода предпринимало серию попыток по укреплению его жизнестойкости, примером чего представлена реформаторская деятельность Новгородского архиепископа Евфимия II во внешнеполитических и церковных делах, что, впрочем, не помогло предотвратить упадка Новгорода во второй половине XV века. Далее в книге следует изложение ряда политических событий, которые

определяются как этапы присоединения Новгорода к Московскому государству. Речь идет о войне 1456 года и Ялжебицком договоре, кризисной зиме 1470/71 года, закончившейся войной 1471 года, визите Ивана III в Новгород «с мирными намерениями» в 1475–1476 годах и, наконец, крушением новгородской независимости в 1478 году и присоединением Новгорода к Московскому государству. В последующей части главы автор касается некоторых наиболее важных последствий покорения Новгорода Москве, в частности, насильственного переселения («выводов») новгородских городских элит и развития в пределах Новгородской земли поместной системы, которые были направлены на полное ниспровержение политической системы Великого Новгорода и разрушение его социально-экономической основы, необходимых в целях обеспечения условий к существованию Новгорода в составе Московского государства. К. Гёрке осознает всю сложность ответа на вопрос о неизбежности гибели Господина Великого Новгорода и при решении этой проблемы исходит из представления о комплексности предпосылок экономического, внешнеполитического, социально-политического и военного характера, которые подводят его к мысли, что Новгород как город-государство не имел шанса сохранить свою оригинальность и сохранить себя от покушений могущественных держав. Авторская позиция в этом вопросе сводится к заключению, что если бы Новгород подчинился не Москве, а Великому княжеству Литовскому, то он сохранил значительную часть своей автономии и специфики. Судьба Пскова в монографии К. Гёрке представлена в том же ключе.

Последняя часть книги называется «Исторический феномен Великого Новгорода: попытка обзора» и включает некоторые наблюдения относительно существования Новгорода в составе Российского государства. Прежде всего автор полагает необходимым отметить некоторые рудименты новгородских традиций, главным образом, в сфере отношений с Западом, особенно с Ливонией и Ганзейским союзом. Второй вопрос касается повторной волны распространения в Новгороде XVI века народных еретических движений, в которых автор видит оппозицию новому правящему режиму. В связи с тем становится понятно, почему царь Иван IV в 1570 году произвел жестокую расправу над Новгородом, чтобы полностью подчинить его своей воле. Последние проявления традиций вольного Новгорода автор обнаруживает в «Смутном времени» начала XVII века и в политических катаклизмах середины того же столетия, после чего он окончательно превратился в обычный провинциальный город. Годы Великой Отечественной войны, в ходе которой историческая часть города сильно пострадала, представляются автору как веха в истории между старинным и современным Новгородом, описание которого дает ниже. Рассматривая представления об историческом прошлом Великого Новгорода в русском общественном сознании, автор делится наблюдениями о существующей в нем устойчивой тенденции к идеализации Новгородского города-государства, хотя и с разной мотивацией, порождаемой той или иной эпохой. В конце дана информация об основных направлениях изучения Великого Новгорода современной российской и западноевропейской исторической наукой.

В заключении надо сказать, что монография К. Гёрке объединяет многие достижения современного российского и западноевропейского «новгородоведения» и дает представления о восприятии образа средневекового Великого Новгорода в

зарубежной исторической науке. Его наблюдения, не всегда бесспорные, но неизменно интересные, дают пищу для размышлений, а потому редакция журнала будет очень признательна неравнодушным читателям, специалистам по затронутой теме, за их отзывы на данную монографию в целом или на отдельные обозначенные в ней проблемы. Критически следует подойти, в первую очередь, к самому определению Новгорода как «города-государства», которое образует параллель с городами-государствами средневековой Западной Европы, главным образом, Северной Италии. Между тем типологические расхождения этих двух явлений российскому читателю должны быть очевидны, и терминологическая идентичность требует, как представляется, гораздо более пространного разговора, чем это есть в указанной книге. Господин Великий Новгород – явление феноменальное, некогда сформировавшееся и развивавшееся в точке схождения русского и западноевропейского миров, которое явило миру яркий пример не столько их противостояния, сколько долговременного плодотворного сотрудничества. Уже по этой причине история средневекового Новгорода, различные аспекты его общественной организации, сфера внешних контактов, традиции и культура и ныне продолжают сохранять актуальность и рассчитывать на внимание исследователей.

Информация о статье

Автор: Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; ORCID: 0000-0003-0207-1948, Web of Science Researcher ID: A-9259-2016, Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: magistrmb@gmail

Заголовок: Рецензия на монографию: Goehrke C. Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit: Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 s)

Аннотация: Статья содержит рецензию на недавно опубликованную монографию Карстена Гёрке, в недавнем прошлом профессора университета Цюриха, которая посвящена истории и культуре Великого Новгорода и в настоящее время представляет собой наиболее полное произведение по этой теме в зарубежной историографии. Автор характеризует Новгород как «город-государство», объединившее весь русский Север, которое обладало специфической политической организацией, объединявшей демократические, олигархические и теократические элементы. До своего вхождения в состав Московского государства Новгород представлял альтернативный ему вариант общественного развития в пределах Руси, этапы которого в монографии К. Гёрке подробно представлены. Как один из важнейших торговых партнеров Ганзы Новгород обладал солидной экономической базой и играл роль связующего звена между Русью и Западной Европой.

Ключевые слова: Великий Новгород, «город-государство», Новгородская земля, новгородская политико-правовая система, Ганза, Великое княжество Литовское, Псков

Библиографический список

- Бессуднова, М. Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж: Научная книга, 2016.
- Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лукин, П. В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2018.
- Трояновский, С. В. Великий Новгород. Седмицы истории, 859-1990-е годы. М.: Весь мир, 2015.
- Янин, В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Birnbaum, H. Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city-state. Columbus, Ohio, 1981.

Goehrke, K. *Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart*. 5 Bds. Zürich: Chronos, 2003-2005.

Goehrke, K. *Russland. Eine Strukturgeschichte*. Paderborn, Zürich: Brill, Schöningh, 2010.

Information about the article

Author: Bessudnova Marina Borisovna — Doctor of Historical Sciences, docent, professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0003-0207-1948, Web of Science Researcher ID: A-9259-2016, Scopus Author ID: 56292134100; e-mail: magistrmb@gmail

Title: Monograph review: Goehrke, Carsten. *Under the shadow of divine wisdom. History and life worlds of Veliky Novgorod City-State* (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 p.)

Abstract: The article contains a review of a recently published monograph by Carsten Goehrke, a former professor at the University of Zürich, which is devoted to the history and culture of Veliky Novgorod and is currently the most complete work on this topic in foreign historiography. The author characterizes Novgorod as a city-state that united the entire Russian North, which had a specific political organization that combined democratic, oligarchic, and theocratic elements. Prior to its entry into the Muscovy State, Novgorod represented an alternative version of social development within Rus, the stages of which are demonstrated in detail in the monograph by C. Goehrke. As one of the most important trading partners of the Hansa, Novgorod had a solid economic base and played the role of a link between Russia and Western Europe.

Keywords: Veliky Novgorod, city-state, Novgorod land, Novgorod political and legal system, the Hansa, the Grand Duchy of Lithuania, Pskov

References

Bessudnova, M. B. Spetsifika i dinamika razvitiya russko-livonskikh protivorechiy v posledney treti XV veka [The specificity and dynamics of the development of Russian-Livonian contradictions in the last third of the 15th century]. Voronezh: Nauchnaya kniga Publ., 2016. (in Russian)

Zaliznyak, A. A. Drevnenovgorodskiy dialect [Ancient Novgorod dialect]. 2nd ed., rev. and suppl. by the material of the finds of 1995–2003. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. (in Russian)

Lukin, P. V. Novgorodskoye veche [Novgorod Veche]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Akademicheskii proyekt Publ., 2018. (in Russian)

Troyanovsky, S. V. Veliky Novgorod. Sedmitsy istorii, 859–1990-ye gody [Veliky Novgorod. Weeks of history, 859–1990s]. Moscow: Ves' mir Publ., 2015. (in Russian)

Yanin, V. L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. (in Russian)

Birnbaum, H. *Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city-state*. Columbus, Ohio, 1981.

Goehrke, C. *Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart*. 5 bds. Zürich: Chronos, 2003–2005. (in German)

Goehrke, C. *Russland. Eine Strukturgeschichte*. Paderborn, Zürich: Brill, Schöningh, 2010. (in German)

Для цитирования статьи:

Бессуднова М. Б. Рецензия на монографию: Goehrke C. *Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit: Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod* (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 s). *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 129–140. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-129-140

For citation:

Bessudnova M. B. Monograph review: Goehrke, Carsten. *Under the shadow of divine wisdom. History and life worlds of Veliky Novgorod City-State* (Zürich: Chronos Verlag, 2020. 550 p.). *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 129–140. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-129-140